

УДК 008

DOI 10.25799/AR.2019.44.1.005

Дискурс повседневности в контексте изучения «живой музыки» уличных музыкантов

Левченко Мария Александровна

Аспирант кафедры культурологии и социологии,
преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников,
Челябинский государственный институт культуры,
454091, Российская Федерация, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а;
e-mail: maria_arhipova_8@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется ситуация «одушевления» повседневного городского пространства в контексте развития «живой музыки» уличных музыкантов. Представлена актуальность выбранной темы исследования. Автором рассматриваются различные подходы к интерпретации повседневности: исторические, социологические, философские, культурологические. Дискурс повседневности трактуется как основа анализа бытования «живой музыки», где аудиальный контекст в повседневном урбанистическом пространстве нуждается в своеобразном музыкальном «одушевлении», в качестве воплощения которого и может рассматриваться «живая музыка» уличных музыкантов. Обозначаются ключевые характеристики, вытекающие из содержательно-смысловых оснований анализируемого дискурса повседневности в контексте изучения «живой музыки». Автором высказывается мысль о том, что деятельность уличных музыкантов как субъектов одушевления урбанистического пространства повседневной культуры, помимо удовлетворения развлекательно-досуговых интересов горожан, выполняет еще ряд значимых социокультурных функций, которые также описаны в данной статье.

Для цитирования в научных исследованиях

Левченко М.А. Дискурс повседневности в контексте изучения «живой музыки» уличных музыкантов // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 1А. С. 38-44.

Ключевые слова

Повседневность, дискурс повседневности, повседневная городская культура, живая музыка, уличные музыканты.

Введение

На сегодняшний день четко прослеживается тенденция к детальному изучению повседневности, обыденности, на первый план выдвигается привычное в современном гуманитарном знании, что обусловлено рядом причин:

- научные и технические революции явились прогрессивной стороной XX в., а природно-технологические кризисы и мировые войны стали для каждого из нас «негативной событийностью», поэтому такое подробное изучение повседневного, рутинного становится неким ответом, понятным жизненным пространством, которое создается и контролируется самим человеком;
- развитие и динамизм социокультурных процессов, усложнение их структуры стали основанием для увеличения разнообразия средств и способов понимания этих преобразований;
- важным аспектом становятся гуманистические ценности, жизненный мир человека, ценность его бытования;
- значимость приобретают ценности личного потребления, комфорта, бытовой оснащённости каждого человека.

Хотя все перечисленные выше актуальные причины способствуют возрастанию интереса к области повседневного в современной культуре, внимание исследователей к данному вопросу (не всегда в качестве специального научного предмета исследования) проявлялось еще на самых ранних этапах философско-культурологического знания.

По сути, феномен *повседневного* всегда возникал как антипод *событийного*, служил фоном выдающегося и обосновывал своим присутствием саму идею иерархии – как соотношение над-обыденного и рутинного бытия. Обращение к теме повседневности как отдельной научной категории и направлению исследования можно встретить в трудах В. Дильтея, Г. Зиммеля, Х. Ортеги-и-Гассета; подходы к анализу пространству повседневности отражены в работах П. Бергера, Э. Гуссерля, Т. Лукмана, П. Штомпки, А. Щюца, Ю.М. Лотмана.

В целом, концентрируясь на многообразии существующих направлений и подходов, можно выделить ключевые определения искомого термина «повседневность»:

- «слово “повседневность” обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [Марков, 1999];
- «повседневность – это целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как “естественное”, самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности» [Козлова, 2001, т. 3];
- «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [Бергер, Лукман, 1995, 38];
- «повседневное – не просто рутина и однообразие, но объективный и субъективный опыт, предполагающий универсализм и единичность практик и переживаний, наличие связи и преемственности между поколениями (здесь обращает на себя внимание важность социальных институтов, обеспечивающих связь между поколениями или определяющих характер этих связей)» [Зайцева, 2013].

Однако простое перечисление существующих определений хотя и дает общие представления о предмете исследования, но явно нуждается в укрупненной дифференциации, позволяющей зафиксировать некоторые нюансы в осмыслении дискурса повседневности в истории социально-гуманитарной мысли.

Дискурс повседневности в социально-гуманитарной мысли

Прежде всего, особый интерес представляют *исторические* подходы к исследованию повседневности (Ф. Бродель, Н. Элиас, Л. Февр, А. Хеллер). Основной содержательный посыл связывался в данном направлении не столько с изучением поля истории с позиций выдающихся личностей и событий, сколько с влиянием обыденного, массового сознания на становление исторического процесса. Вопреки субъективистской социологии Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, Л.П. Карсавина, в указанном подходе внимание акцентировалось на изучении исторического *текста* через обыденный *контекст* – на фоне жизни и существовании простого обывателя («безмолвствующего большинства») с его повседневными жизненными проявлениями.

Еще одно разработанное направление в определении проблематики повседневности – *социологическое* (П. Бергер, Н. Лукман, П. Штомпка, А. Щюц). В рамках данного подхода основное внимание уделяется усредненности общественного мнения, его нормальности и привычности, будничности, самоочевидности, его «само собой разумеющемуся характеру» (П. Бергер, Т. Лукман). П. Бергер и Т. Лукман анализируют феномен повседневности, используя категорию «конструирования реальности», т. е. наше сознание и наши привычные представления выступают в качестве схем типизации, объясняющих реальность: «Реальность повседневной жизни всегда оказывается хорошо понятной зоной, за пределами которой – темный фон» [Бергер, Лукман, 1995, 77].

В современных социологических концепциях на смену категории «конструирование» приходит «конституирование». Так, В.Н. Сыров понимает конституирование как особый код, возникающий в сознании человека при решении той или иной проблемы. Повседневность предстает в виде своеобразной «машины по производству значений», созданию и преобразованию объектов – в понятные, знакомые и объяснимые обыденному сознанию конструкции [Сыров, www].

В ракурсе *философского* направления повседневность предстает отдельной сферой жизнедеятельности человека, феноменом «тутбытие» (М. Хайдеггер). Наиболее важным с позиций философского анализа можно признать концепт «жизненного мира», введенный Э. Гуссерлем и понимаемый им как «действительно наглядный, действительно испытываемый и доступный опыту мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь» [Розенберг, 2008].

Исследования повседневности также отражены в *психолого-педагогических* теориях, подчеркивающих важность осмысления взросления человека в процессе различных поведенческих реакций на окружение (В.Т. Кудрявцев, Т.А. Ромм, И.Т. Касавин, С.П. Щавелев и др.). Под основными параметрами повседневности в психолого-педагогическом дискурсе И.Т. Касавин и С.П. Щавелев понимают:

- поле повседневности – отрезок жизни, рамки которого обозначены биографическими, биологическими и иными факторами;

- социальную ситуацию, с которой сталкивается индивид или группа;
- доступный мир опыта, выражающийся в многообразии пересекающихся субъективных миров других людей;
- смысловые связи переживаний, предопределенные трансформацией психических процессов и структур, вытекающих из жизненных фактов развития человека [Касавин, Щавелев, 2004].

Наиболее перспективным (с позиций понимания современной социокультурной ситуации) оказывается для нас поиск методологических оснований *культурологического* анализа феномена повседневности. В ракурсе культурологического осмысления основное внимание уделяется традициям, ритуалам, стереотипам, категориальным системам, т. е. стабильным (и даже рутинным) основаниям жизнедеятельности человека.

В культурологическом направлении мы можем выделить три укрупненных подхода к трактовке повседневности: 1) *семиотический* (Ю.М. Лотман); 2) *социокультурный* (Л.Н. Коган, Л.Г. Ионин, В.Т. Шапко); 3) *коммуникативный* (Ю. Хабермас). Так, с точки зрения семиотического подхода, внедренного Ю.М. Лотманом, повседневность (и даже повседневные детали бытового поведения) выступает в качестве семиотического кода, позволяющего расшифровывать скрытые смыслы. Это «взгляд изнутри» культуры, реализуемый на контрасте «обычного» и «необычного»: обычное трактуется людьми как естественное, единственно возможное и нормальное, в то время как необычное представляет собой государственное, культовое, обрядовое [Лотман, 1992, т. 1].

Повседневность как среда функционирования «живой музыки»

Дискурс повседневности может рассматриваться как основа анализа бытования «живой музыки», понимаемой нами как организованный процесс событийного преобразования повседневного пространства через совокупность воспроизводимых звуков (или шумов), создающих акустическую атмосферу, выступающую конструктивным основанием осуществления социокультурной коммуникации между коммуникатором и реципиентами. Именно аудиальный контекст в повседневном урбанистическом пространстве нуждается, на наш взгляд, в своеобразном музыкальном «одушевлении», в качестве воплощения которого и может рассматриваться «живая музыка» уличных музыкантов.

Нам особенно близка концентрация (проявляющаяся даже на уровне вербальных номинаций) на *живой* природе повседневности как актуальной жизненной стратегии существования уличных музыкантов. Итак, обобщим ключевые характеристики, вытекающие из содержательно-смысловых оснований анализируемого нами дискурса повседневности в контексте изучения «живой музыки»:

- *субъектоцентризм* (точкой отсчета выступает значимость индивидуального бытия человека);
- *типизация* (повседневность предстает в системе повторяющихся обыденных схем, воспроизводящих типичные и узнаваемые ситуации);
- *доступность и узнаваемость* (повседневные акты адекватно распознаются и расшифровываются субъектами в процессе обыденного взаимодействия, обеспечивают равные условия понимания);

- *актуальность* (то, что значимо в режиме «здесь и сейчас», в определенном пространстве в данное время);
- *преобладание практико-ориентированных мотивов* (практическая компетентность человека, нацеленность на решение конкретных задач, реалистичность посылы).

Указанные теоретические основания хотя и отражают условия существования и развития «живой музыки», тем не менее не должны рассматриваться исключительно в статичном выражении, они требуют обращения к динамичным практикам взаимодействия субъектов.

На наш взгляд, деятельность уличных музыкантов как субъектов одушевления урбанистического пространства повседневной культуры, помимо удовлетворения развлекательно-досуговых интересов горожан, выполняет еще ряд значимых социокультурных функций:

- *формирование эффекта сопричастности* (особую значимость уличная музыка приобретает именно за счет мощного эффекта сопричастности, в полной мере претендуя на статус «живой музыки», рождающейся «на глазах» у слушателя, который в своем обыденно-будничном ритме существования оказывается вовлеченным в разворачивающееся действие);
- *событийная актуализация культурного наследия* (музыканты намеренно размещаются вблизи исторических памятников, реконструируя «место памяти» за счет соответствующих костюмов, инструментария и репертуара, привлекая к нему дополнительное внимание, актуализируя заложенные коммеморативные значения);
- *конструирование новых смыслов* (так, по мнению немецкого социолога Г. Зиммеля, уличная музыка может заполнять неосвоенные места (в его терминологии – «анонимные места») через придание им нового статуса общественно-привлекательной площадки, творя новое смысловое и ассоциативное поле в границах обыденного городского пространства);
- *создание зон коммуникативно-публичных взаимодействий* (само по себе уличное действие предстает пространством полноценной коммуникации, обмена информацией, установления контактов; «восходящее к античности определение музыки как искусства модуляции становится метафорой превращения заброшенной, “маргинальной” городской зоны в территорию общения – публичное пространство» [Ротенберг, 2017]); по мнению исследователя звукового искусства В. Кейлин, «потребность в пространстве как месте коммуникации падает вследствие глобализации, потери некой пространственной идентичности, связанности с каким-то местом» [Благодаров, www]; другими словами, «уличная музыка возвращает месту его коммуникативные свойства, во многом утраченные как в результате “атомизации”, социальной разобщенности, присущей обществу мегаполиса, так и вследствие “медитации общения”» [Ротенберг, 2017]);
- *идентификация в системе «лицо – место»* (нередко именно уличные музыканты, освоившие то или иное пространство и закрепившие его в качестве воспроизводимого «места встречи», начинают ассоциироваться с данным локусом в качестве его неразрывной части);
- *романтизация повседневно-городской атмосферы* (так, С.Дж. Таненбаум в своей работе «Подземные гармонии» делает акцент на романтическом восприятии уличного музыканта. По его мнению, музыка метро развивает особый вид общественного доверия, стирает грани отчужденности между людьми. Для него уличная музыка – аттрактор для социальных подвижек демократизации общества).

Заключение

Выделенными функциями, безусловно, не исчерпывается весь спектр влияния уличного музыкального искусства на повседневную городскую инфраструктуру. Нельзя забывать и о сугубо утилитарных запросах самих уличных музыкантов, для которых подобные занятия оказываются способом зарабатывания средств (нацеленность на материальную выгоду), использовании их деятельности в рекламно-информационных целях, PR-продвижении заведений различной направленности. Однако эти прагматические значения не должны заслонять собой социокультурные смыслы, ведь уличная музыка – это важная часть «повседневного повествования о городе», именно ей свойственна «глобальная вездесущность», способствующая переживанию звуковой атмосферы урбанистического пространства в реальный момент времени.

Библиография

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Благодаров К. Тишина – это хорошо. Абсолютная тишина – это невыносимо. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/07/06_a_8374145.shtml
3. Зайцева Т.А. Повседневность как исследовательская проблема // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2 (10). С. 5-11.
4. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 431 с.
5. Козлова Н.Н. Повседневность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 254-255.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 479 с.
7. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. 291 с.
8. Розенберг Н.В. «Жизненный мир» как культурно-исторический мир повседневности в феноменологии Э. Гуссерля // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 8. С. 251-255.
9. Ротенберг Н. Уличная музыка как стратегия освоения урбанистического аудиального ландшафта // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2А. С. 339-348.
10. Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты). URL: <http://любомудр.рф/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty>
11. Bennett A., Rogers I. Street music, technology and the urban soundscape // Continuum journal of media and cultural studies. 2014. Vol. 28. No. 4. P. 454-464.
12. Chaney D. Fictions of collective life: public drama in late modern culture. London: Routledge, 1993. 240 p.

The discourse of everydayness in the context of studying “live music” played by buskers

Mariya A. Levchenko

Postgraduate at the Department of cultural studies and sociology,
Lecturer at the Department of direction of theatrical performances and festivals,
Chelyabinsk State Institute of Culture,
454091, 36-a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: maria_arhipova_8@mail.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the situation of "animation" of everyday urban space in the context of the development of "live music" played by buskers. The author of the article proves the relevance of the chosen research topic. The article makes an attempt to consider different

approaches to the interpretation of everydayness: historical, sociological, philosophical and cultural ones. The discourse of everydayness is interpreted as a basis for the analysis of "live music". Having studied the features of the discourse of everydayness and the definitions of everydayness given by a number of Russian scholars, the author points out that the auditory context in everyday urban spaces needs a kind of musical "animation" and "live music" played by buskers can be viewed as its embodiment. The article reveals the key characteristics associated with the semantic bases of the analysed discourse of everydayness in the context of studying "live music" played by buskers. The author comes to the conclusion that the activities of buskers as subjects of animation of the urban space of everyday culture, in addition to satisfying the entertainment and leisure needs of citizens, performs a number of important sociocultural functions, which are also described in this article.

For citation

Levchenko M.A. (2019) Diskurs povsednevnosti v kontekste izucheniya "zhivoi muzyki" ulichnykh muzykantov [The discourse of everydayness in the context of studying "live music" played by buskers]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (1A), pp. 38-44.

Keywords

Everydayness, discourse of everydayness, everyday urban culture, live music, buskers.

References

1. Bennett A., Rogers I. (2014) Street music, technology and the urban soundscape. *Continuum journal of media and cultural studies*, 28 (4), pp. 454-464.
2. Berger P., Luckmann T. (1967) *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Anchor. (Russ. ed.: Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium Publ.)
3. Blagodarov K. *Tishina – eto khorosho. Absolyutnaya tishina – eto nevyinosimo* [Silence is good. Absolute silence is unbearable]. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2016/07/06_a_8374145.shtml [Accessed 20/02/19].
4. Chaney D. (1993) *Fictions of collective life: public drama in late modern culture*. London: Routledge.
5. Kasavin I.T., Shchavelev S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everydayness]. Moscow: Kanon+ Publ.
6. Kozlova N.N. (2001) Povsednevnost' [Everydayness]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New encyclopedia of philosophy: in 4 vols.], Vol. 3. Moscow, pp. 254-255.
7. Lotman Yu.M. (1992) *Izbrannyye stat'i* [Selected articles], Vol. 1. Tallinn: Aleksandra Publ.
8. Markov B.V. (1999) *Khram i rynek. Chelovek v prostranstve kul'tury* [The temple and the market. Man in the space of culture]. St. Petersburg.
9. Rotenberg N. (2017) Ulichnaya muzyka kak strategiya osvoeniya urbanisticheskogo audial'nogo landshafta [Street music as a strategy towards the development of urban auditory landscapes]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 339-348.
10. Rozenberg N.V. (2008) "Zhiznennyi mir" kak kul'turno-istoricheskii mir povsednevnosti v fenomenologii E. Gusserlya [The lifeworld as a cultural and historical world of everydayness in Edmund Husserl's phenomenology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University], 8, pp. 251-255.
11. Syrov V.N. *O statuse i strukture povsednevnosti (metodologicheskie aspekty)* [On the status and structure of everydayness (methodological aspects)]. Available at: <http://любомудр.рф/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty> [Accessed 20/02/19].
12. Zaitseva T.A. (2013) Povsednevnost' kak issledovatel'skaya problema [Everydayness as a research problem]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2 (10), pp. 5-11.